

УДК 82-25

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФА О КУХУЛИНЕ В ДРАМАТУРГИИ У.Б. ЙЕЙТСА

© 2014 г.

А.А. Олькова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

keridven@gmail.com

Поступила в редакцию 27.09.2013

Рассматривается цикл пьес У.Б. Йейтса о Кухулине с точки зрения использованных в нём сюжетов, образов и мотивов ирландских саг. Выявляется их роль в создании величественного образа ирландского национального героя и решении философских вопросов о судьбе, бессмертии, героизме.

Ключевые слова: миф, ирландский эпос, Ирландское литературное возрождение, Йейтс.

Со второй половины XVIII и начала XIX века в литературе начинают активно использоваться новые источники образов и сюжетов – кельтские саги и легенды. Это происходит в русле так называемого Кельтского возрождения, когда у жителей Британских островов возникает интерес к истории и культуре древних кельтов. Кельтское возрождение поддерживается ростом национального самосознания в Ирландии, входившей тогда в состав Британской империи, и сопровождается повышенным интересом ирландцев к национальному языку, фольклору и своей легендарной истории. Одной из самых известных и ярких фигур ирландского эпоса был, без сомнения, Кухулин – это подтверждается и тем, что для ирландских патриотов, а потом и революционеров его образ становится символом легендарного героического прошлого. В литературе образ Кухулина одним из первых появляется в творчестве У.Б. Йейтса, по праву относящегося к ярчайшим деятелям Кельтского возрождения в Ирландии (так называемого Ирландского литературного возрождения). Образ Кухулина красной нитью проходит через всё его творчество, от поэзии до драматургии. Он привлекал внимание Йейтса как образ легендарного героя древней Ирландии, как масштабная фигура, с которой не может сравниться современный человек. Исследователи выделяют в творчестве Йейтса целый «кухулинский цикл», включая в него два стихотворения и пять одноактных пьес.

Четыре из пяти драм Йейтса основаны на конкретных сагах. Особняком стоит пьеса «У ястребиного источника» (*At the Hawk's Well*), фабулу которой Йейтс продумывает, не опираясь ни на один из существующих сюжетов о Кухулине.

Самой близкой к мифологическому источнику оказывается первая пьеса цикла «На бере-

гу Байле» (*On Baile's Strand*), которая восходит к саге «Единственный сын Айфе», повествующей об убийстве Кухулином своего сына по приказу короля Конхобара – причём о том, что это его сын, Кухулин узнаёт лишь тогда, когда тот получил смертельную рану. Йейтс сохраняет сюжет, но по-своему интерпретирует конфликт, который реализуется во взаимоотношениях Кухулина и Конхобара. Король является к Кухулину в дом, требуя, чтобы тот принёс вассальскую клятву; Кухулин сопротивляется и не понимает, зачем королю это надо. Противостояние Конхобара и Кухулина – это одновременно противостояние нового обмельчавшего мира (то есть Конхобара и его сыновей, в которых «нет размаха») и героического прошлого (Кухулина и его сына, почти равного ему). Героям божественного происхождения, совершавшим великие подвиги, в новом мире места нет, и Кухулин уступает Конхобару. Это приводит к трагедии: король приказывает Кухулину убить неизвестного юношу, прибывшего к берегам Ирландии. Отчасти это трагическая вина Кухулина, но вся тяжесть произошедшего лежит не на нём, а на Конхобаре. В результате Кухулин сходит с ума и бросается сражаться с волнами, воображая, что бьётся с Конхобаром. Подобный сюжетный элемент мы можем видеть и в саге, однако там Кухулина околдовал друид, чтобы тот не обратил своё горе в злость и не причинил вреда окружающим. Мотив «околдовывания» реализуется в пьесе несколько иначе: Кухулин не хочет убивать юношу, чувствуя к нему необъяснимую симпатию, но окружающие убеждают его в том, что он околдован.

Что касается образов, то помимо героев сказания, которые близки к своим прототипам, Йейтс населяет пьесу героями, которых в сказании не было. В списке действующих лиц пер-

выми стоят Дурак и Слепец, комедийные, даже фарсовые фигуры, которые можно рассматривать с разных точек зрения. У них нет имён, их лица скрыты за «нелепыми шаржированными масками»; кроме того, в пьесе звучит фраза «жизнь проходит между слепцом и дураком». Слепец и Дурак – не собственно герои, а в данном случае одушевленные абстрактные понятия; слепота и безумие, которые овладевают Кухулином. Символическое понимание этих образов переносит внимание от конфликта возвышенной личности и обмельчавшего бытового окружения к онтологическому пониманию пьесы. Обезумевшему Кухулину кажется, что он сражается с Конхобаром, но на деле он бьётся со стихией, и настоящим конфликтом пьесы оказывается противостояние Кухулина и высших стихийных сил; человека и трагического стечения обстоятельств, которое направляется чьей-то незримой, но всесильной рукой. Вина Конхобара оказывается мнимой, он лишь оружие этих сил. Единственный достойный противник Кухулина – это судьба.

Но эти смыслы и оттенки всё равно накладываются на древний сюжет, который, по сути, не претерпевает особых изменений. А вот о других драмах «кухулинского цикла» такого сказать нельзя. Уже во второй пьесе о Кухулине – «Зелёный шлем» (*The Green Helmet*) – Йейтс создаёт свою фабулу. Сага, на которой он основывается, называется «Пир Брикриу», отсюда заимствуются только мотив соревнования и образы основных героев. От изначального сюжета остаётся, в сущности, лишь несколько опорных точек: спор между героями за звание лучшего, спор их слуг и жён.

Почти все герои пьесы фигурировали и в сказании, но некоторые из них претерпели изменения. Больше всего – Брикриу, который из человека, обожающего сеять раздор между людьми, превратился в сида, любящего не столько ссоры, сколько игры со смертными (но, в отличие от своего прототипа, сид безукоризненно справедлив и возвращает всё на круги своя). Интересны изменения и в образе Кухулина, который, вместо того чтобы бросаться в бой, выполняет в пьесе роль миротворца. Кухулин здесь словно избавляется от любых недостатков, чтобы, видимо, подчеркнуть совершаемый им в конце акт чистого героизма. Интересно, что в первом варианте пьесы даётся чёткая мотивация этого поступка: Кухулин готов отдать свою жизнь за благополучие Ирландии. Во втором варианте эта мотивация сохраняется, но становится не столь явной. Тем не менее образ Кухулина продолжает восприниматься как

пример идеального героя-патриота, в первую очередь для современных Йейтсу участников национального движения в Ирландии.

Так же далеко от изначального сюжета уходит пьеса «Единственная ревность Эмер» (*The Only Jealousy of Emer*), основанная на одноимённом сказании, центральное событие которого – борьба за любовь Кухулина между его женой Эмер и сидой Фанд. В пьесе две земные женщины – возлюбленная Кухулина Этне и нелюбимая жена Эмер – пытаются пробудить его от волшебного сна (явный мотив из саги – там он тоже оказался во власти сна мистического происхождения, но при других обстоятельствах). Им противостоит сида, которая пытается увлечь приглянувшегося ей героя в потусторонний мир. Центральным образом пьесы при этом является не Кухулин, а Эмер: именно её трагедия интересует зрителя в первую очередь. В саге она появляется дважды: в первый раз своей любовью и ласковыми словами излечивает болезнь Кухулина, а во второй – пытается отвоевать мужа у Фанд. Эмер из саги оба раза добивается своего: Кухулин к ней возвращается. Эмер из пьесы для того чтобы вылечить мужа, жертвует своей надеждой на его возвращение к ней в обмен на его возвращение к жизни, и в этом её трагедия и величие.

Однако из всех образов пьесы, взятых из саги, больше всего изменяется образ сиды. В саге это вполне обычная женщина, которая испытывает человеческие чувства; она полна благородства и справедливости: без борьбы уступает Кухулина его законной жене, несмотря на свою любовь к нему. Йейтсовская Фанд – образ куда менее конкретный, это воплощение потусторонних сил. Один из исследователей драматургии Йейтса, В. А. Ряполова, отмечает, что Фанд – «символ абсолютной красоты, к которому стремится абсолютная душа» [2, с. 186]. Йейтсу всегда была близка идея неведомого, которое неодолимо влечёт человека, но тогда встаёт вопрос: а не хуже ли для Кухулина то, что Эмер вернула его к жизни, не дав соединиться с трансцендентальным миром? В пьесе определённого ответа нет.

Структура «Единственной ревности Эмер» сложнее структуры предыдущих пьес, каждая из которых использует сюжеты и образы из одной саги. Йейтс привлекает образ из другого сказания – «Пира Брикриу», на котором основана пьеса «Зелёный шлем». Брикриу снова превращается в сида, но на этот раз намного более хитрого и агрессивного. В «Единственной ревности Эмер» Брикриу – это морской дух,

который требует у Эмер жертву – только на таких условиях Кухулин вернётся к земной жизни. Стремление сеять раздор между людьми превращается в способность рождать разлад в человеческой душе и извлекать из этого выгоду. Интересно, что сид является из моря: как и в «Зелёном шлеме» и «На берегу Байле», оно оказывается враждебной стихией.

Драма «Смерть Кухулина» (*The Death of Cuchulain*) тоже основана на одноимённой саге, в названии которой отражено её центральное событие. В отличие от саги, в пьесе важны не внешние события, а то, что переживает Кухулин на пороге смерти. Поэтому сложно говорить о сюжетных соответствиях: внешне в пьесе практически ничего не происходит. Из насыщенной действующими лицами саги Йейтс берёт только три образа: Кухулина, Эмер и Морригу, богиню войны. Присутствует и возлюбленная Кухулина; в пьесе это всё та же Этне, а в саге – уже другая, Ниам, но они прямо соотносятся друг с другом. Морригу, как и в сказании, знаками предупреждает Кухулина об опасности. На долю Эмер выпадает только горестный безмолвный танец, который тем не менее является кульминацией пьесы.

Лишь в одной драме повторяет сагу слово: это то, как смертельно раненный Кухулин после битвы привязывает себя к камню, чтобы умереть стоя. В обоих случаях вокруг него собираются враги, но если в древнем сюжете это были люди королевы Медб, замыслившей его убить, то у Йейтса – образы из прошлого Кухулина. Это его бывшая возлюбленная Айфе, мать его единственного сына, которая ненавидит героя с тех пор, как он её оставил, и Слепец из пьесы «На берегу Байле». В сказании враги Кухулина дают ему умереть от ран и только после этого сносят голову; в пьесе ещё живому Кухулину голову отрубает Слепец. Есть основание снова, как в «Байле», трактовать его образ как абстрактное понятие, но на этот раз он представляется конкретным персонажем – ничтожным человеком, который за двенадцать пенсов перерезает горло герою. Но даже такой конец не умаляет величия Кухулина ни в чьих глазах.

Дальше всего от саг уходит пьеса «У ястребиного источника»: напрямую она не соотносится ни с одним из сюжетов о Кухулине. В пьесе есть только Старик, Юноша и молчаливая женщина, охраняющая источник. Йейтс превращает конкретные образы в абстрактные, в персонификацию идей и жизненных моделей. Нетрудно понять, что Старик, всю жизнь проведший около пересохшего колодца, выражает

идею пассивной, спокойной и, в сущности, ничёмной жизни. Юноша, назвавшийся Кухулином, – это, напротив, олицетворение идеи активной жизни, борьбы, героизма. Он вступает в противоборство с силой, охраняющей источник, и хотя бессмертия не получает, но испытание проходит и становится героем. Так здесь реализуется мифологический мотив инициации: переход от статуса ребёнка или юноши к статусу мужчины.

В этой пьесе нет персонажей и сюжетов из каких-либо определённых сказаний, а только намёки на образы из мифологии кельтов. Самый заметный из них – орешник, олицетворение мудрости. Символично, что засохший орешник склонился над источником бессмертия – в основе пьесы лежит спор о том, нужно ли человеку бессмертие вообще. Сам источник бессмертия с трудом, но соотносится с дарующими бессмертие ягодами рябины, которые упоминаются в сказании о Диармайде и Грайне: в обоих случаях герои близки к тому, чтобы обрести вечную жизнь, но не обретают её, как-то вдруг забывая, что у них в руках есть такое сокровище.

Что же объединяет эти пять драм в цикл? В первую очередь, это образ Кухулина, которому Йейтс даёт новую, иную жизнь. Он создаёт свою хронологию жизни героя, отличную от хронологии саг: добавляет новый сюжет, а старые частично переставляет местами. Во всех пьесах Кухулин – однозначно герой; он – патриот (готов принести себя в жертву за страну), он – человек, который возвышается над земной жизнью (он достоин любви сиды, он выше конфликта с королём), он – человек, достойный сражения со стихией и судьбой. Неслучайно в трёх пьесах из пяти появляется образ моря как враждебной стихии, которой Кухулин противостоит – сам или с помощью других героев.

Йейтсу как деятелю Ирландского литературного возрождения важно было использовать именно национальный эпос, следуя велению души, а также чтобы пробудить самосознание нации и дать ей импульс к осмыслению себя как наследника древней и великой культуры. Героический Кухулин как никто подходил для этой цели. В то же время саги о Кухулине являются для Йейтса отправной точкой для рассуждения над философскими вопросами героизма, судьбы, бессмертия, а также основой для создания особой поэтической драмы на мифологический сюжет, которая была бы противопоставлена «новой драме» рубежа веков – как правило, подчёркнуто реалистичной и обращённой к обыденности.

Список литературы

1. Йейтс У.Б. Пьесы. М.: Флюид, 2008. 256 с.
2. Ряполова В.А. У.Б. Йейтс и ирландская художественная культура. М.: Наука, 1985. 272 с.
3. Машинян А.В. Мифологическая поэтика драматургии У.Б. Йейтса: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 211 с.
4. Gregory A. Cuchulain of Muirthemme. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://archive.org/details/cuchulainmuirth00yeatgoog>.
5. Jeffares A.N., Knowland A.S. A Commentary on the Collected Plays of W.B. Yeats. Stanford: Stanford UP, 1975. 310 p.
6. Vasconcelos V. Yeats and Cuchulain. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://writing.colostate.edu/gallery/phantasmagoria/vasconcelos.htm>.
7. Yeats W.B. The Celtic Element In Literature. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pitt.edu/~jkna/WBYEssays/CelticElement.html>.

INTERPRETATION OF THE MYTH OF CUCHULAIN IN W.B. YEATS' PLAYS

A.A. Olkova

The article presents an analysis of using the plots, images and motives of the Irish legendary tales in W.B. Yeats' Cuchulain cycle. It also reveals their role in creating the image of Ireland's national hero.

Keywords: myth, Irish mythology, Irish Literary Revival, Yeats.

References

1. Jejts U.B. P'esy. M.: Fljuid, 2008. 256 s.
2. Rjapolova V.A. U.B. Jejts i irlandskaja hudozhestvennaja kul'tura. M.: Nauka, 1985. 272 s.
3. Mashinjan A.V. Mifologicheskaja pojetika dramaturgii U.B. Jejtsa: Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2000, 211 s.
4. Gregory A. Cuchulain of Muirthemme. [Elektronnyi resurs]. Режим доступа: <https://archive.org/details/cuchulainmuirth00yeatgoog>.
5. Jeffares A.N., Knowland A.S. A Commentary on the Collected Plays of W.B. Yeats. Stanford: Stanford UP, 1975. 310 p.
6. Vasconcelos V. Yeats and Cuchulain. [Elektronnyi resurs]. Режим доступа: <http://writing.colostate.edu/gallery/phantasmagoria/vasconcelos.htm>.
7. Yeats W.B. The Celtic Element In Literature. [Elektronnyi resurs]. Режим доступа: <http://www.pitt.edu/~jkna/WBYEssays/CelticElement.html>.